

В волнах приливной ревности зреют тайные козни.

С того самого дня, когда в императорском саду она словно бы случайно наткнулась на беседующих столь сердечно императрицу и Ань Линжун, наследная наложница Хуа, Нянь Шилань, вернувшись в свой дворец Икунь, пришла в неопишемую ярость. Драгоценный фарфор разлетелся вдребезги, придворные попадали на колени, затаив дыхание от страха.

— Ань Линжун! Эта ничтожная тварь, недостойная даже помыслить о таком! — сердце у Нянь Шилань разрывалось от злости, в голове снова и снова прокручивался образ ласковой улыбки императрицы, обращённой к Ань Линжун, и чем больше она об этом думала, тем нестерпимее становилось это зрелище. Всё своё недовольство императорским отбором наложниц, всю свою ненависть к лицу Чжэнь Хуань она с извращённой силой обрушила на эту внезапно получившую благосклонность императрицы ничтожную даин.

Сун Чжи, дрожа от страха, попыталась её успокоить:

— Госпожа, уймите гнев. Такая ничтожная особа, как даин Ань, всего лишь на миг вызвала у госпожи императрицы жалость, разве можно её равнять с вами?

— Жалость? — прекрасные глаза Нянь Шилань широко распахнулись, она усмехнулась. — По мне, так она просто умеет прикидываться жалкой! Взобралась на высокую ветку и уже забыла, кто она есть на самом деле! — В её голове быстро созрел ядовитый план. Она ни за что не позволит Ань Линжун, пользуясь покровительством императрицы, подняться наверх. Пусть даже просто для того, чтобы досадить императрице, она должна проучить эту мерзавку!

На следующий же день, под предлогом проявить заботу о новеньких и одарить их согласно положению, наследная наложница Хуа отправила подарки нескольким господам, недавно вошедшим во дворец. Шэнь Мэйчжуан досталось несколько вполне приличных отрезков парчи, другим — обычные безделушки и украшения.

И только в дворец Яньси, к Ань Линжун, отправили комплект особенно изысканных головных украшений: сверкающие золотом с вкраплениями бирюзы и крупными рубинами — невероятно роскошный, намного превосходящий то, что полагалось по статусу даин.

Евнух, принёсший подарок, льстиво улыбался:

— Госпожа наследная наложница Хуа говорит, что она очень рада вашему вступлению во дворец и дарит вам это в знак особой милости. Она надеется, что госпожа даин в будущем будет усердно служить императору и не обманет её доброго расположения.

Ань Линжун смотрела на сверкающие на солнце, почти ослепительные украшения. Сначала её охватила трепетная радость, но тут же сменилась глубокой тревогой. Как она, столь низкого происхождения, могла носить вещи, нарушающие установленный порядок? С чего бы наследной наложнице Хуа, с которой у них никогда не было никаких отношений, дарить ей столь щедрый подарок? Это же явно... западня, чтобы погубить её своей же милостью!

Побледнев от страха, она начала отказываться:

— Это... это слишком ценно, я, ваша служанка, не смею принять...

Но евнух нахмурился:

— Подарки госпожи наследной наложницы Хуа не принято возвращать. Неужели госпожа даин пренебрегает её расположением? — С этими словами, не обращая внимания на её протесты, он силой всучил парчовую шкатулку её служанке Баоцзюань и ушёл.

Ань Линжун, словно схватившая горячую картофелину, держала эту шкатулку, которая жгла ей руки, и не находила себе места. Если она их наденет — это будет преступлением превышения статуса. Если не наденет — проявлением неуважения к наследной наложнице Хуа. Что бы она ни сделала, всё будет не так!

Ань Линжун провела почти бессонную ночь в страхе. На следующее же утро, как за соломинку утопающий, она поспешила во дворец Цзинжэнь просить аудиенции у императрицы, даже не думая о том, не будет ли это слишком бесцеремонно.

Услышав, что она пришла, И Сю, казалось, ничуть не удивилась и приняла её в боковом зале.

Едва увидев императрицу, Ань Линжун с глухим стуком упала на колени и, заливаясь слезами, рассказала всю историю с подарком наследной наложницы Хуа. В конце она, всхлипывая, проговорила:

— Госпожа... я, ваша служанка, право, не знаю, как мне быть. Умоляю вас, госпожа, спасите меня!

И Сю спокойно выслушала её, на лице её нельзя было прочесть ни гнева, ни радости. Когда та закончила, она медленно заговорила, и голос её, как всегда ровный, источал успокаивающую силу:

— Встань и говори. Подумаешь, какой-то головной убор. Стоит ли из-за этого так паниковать?

Ань Линжун подняла заплаканное лицо:

— Госпожа, но ведь эти украшения не по чину...

— Я знаю, — прервала её И Сю и знаком велела Цзянь Цю помочь ей подняться. — Наследная наложница Хуа по характеру прямолинейна, даря вещи, думает лишь о красоте и вряд ли задумывается о таких тонкостях. То, что ты благоговеешь перед установлениями и знаешь правила, — это хорошо.

Она на мгновение задумалась и сказала:

— Вот что. Раз ты не смеешь носить этот головной убор, убери его пока и не надевай. Если

наследная наложница Хуа спросит, ты скажешь, что благодарна ей за милость, но, поскольку эта вещь столь драгоценна, ты боишься по неосторожности повредить её в обычные дни, поэтому бережно хранишь и не решаешься надеть без особо торжественного случая. Эти слова и честь наследной наложницы сохраняют, и дворцовые правила не нарушат. Удобно для обеих сторон.

Услышав это, Ань Линжун словно прозрела! Каменная глыба, давившая на сердце, мигом свалилась! И правда, как же она сама не додумалась! Спрятать — это и не нарушение устава, и не отказ от дара! Одной фразой госпожа императрица разрешила все её затруднения!

Она снова упала на колени, на этот раз — от искренней благодарности, со слезами умиления:

— Госпожа, вы мудры! Спасибо вам за наставление! Я, ваша служанка... я даже не знаю, как мне отблагодарить вас!

И Сю слегка кивнула:

— Сущий пустяк. В будущем, когда столкнёшься с чем-то, думай больше, осмотрительность никогда не помешает. Ступай.

Ань Линжун, рассыпаясь в бесчисленных благодарностях, вышла, чувствуя, что императрица для неё не просто благодетельница, но и путеводная звезда. После этого случая её желание прикнуться к императрице стало только сильнее.

Уладив дело Ань Линжун, И Сю, помедлив, сказала Цзянь Цю:

— Сходи в кладовую и найди те золотые браслеты с переплетающимися нитями в виде дракона и феникса, что император недавно пожаловал.

Цзянь Цю принесла их. Браслеты были выполнены с величайшим мастерством, изображения дракона и феникса были словно живые, необычайно роскошны — явно из тех, что могли носить лишь наложницы рангом не ниже фэй.

И Сю равнодушно распорядилась:

— Отнеси это наследной наложнице Хуа. Скажи, что я, мол, сочла тот головной убор с бирюзой, что она вчера кому-то подарила, чрезвычайно хорошим и решила, что эти браслеты ей очень пойдут, вот и дарю их ей. И ещё передай: государь превыше всего ценит дворцовый этикет и порядок, и при одаривании подчинённых ей стоит хорошенько обдумывать меру, дабы по доброте душевной не совершить ошибки, не вызвать страха и смятения у новичков и не нарушить гармонии в Шести дворцах.

Цзянь Цю поняла её с полуслова и с браслетами отправилась во дворец Икунь.

Нянь Шилань как раз ждала, не выйдет ли какой скандал с Ань Линжун, но вместо этого не

получила никаких известий, а дождалась лишь пожалованных императрицей браслетов и этих слов, с виду хвалебных, но на деле — предупреждающих.

Она смотрела на эти явно превышающие её статус браслеты, слушая, как Цзянь Цю слово в слово передаёт ей это напоминание императрицы, и улыбка на её лице мгновенно застыла, сменяясь то красной, то белой бледностью.

Что это значит?!

Она дарит ей вещь, ещё более не соответствующую рангу — издевается?!

И ещё предупреждает соблюдать меру?!

Эта мерзавка Ань Линжун, значит, всё-таки пошла жаловаться! А императрица, ничуть не таясь, берёт её под защиту! И даже не гнушается поучать её саму, Нянь Шилань!

Чудовищное чувство унижения и оскорблённая гордость мгновенно захлестнули Нянь Шилань. Она готова была тотчас же бежать в дворец Цзинжэнь учинять разбирательство! Но остатки разума и опасение перед возможностями императрицы удержали этот порыв.

Она, через силу улыбаясь, поблагодарила за милость и, проводив Цзянь Цю, вдруг смахнула со стола драгоценные золотые браслеты!

— Ула-Нара И Сю! — процедила она сквозь зубы, грудь её тяжело вздымалась от ярости. — Хорошо же ты! Из-за такой ничтожной твари ты смеешь так унижать меня перед другими!

Она чувствовала, что императрица безжалостно растоптала её добрые намерения (пусть и злые), а то, как императрица защищает Ань Линжун, лишь подлило масла в огонь её ревности и жгучей зависти.

При этом ей даже в голову не пришло задуматься, сколь коварен был её собственный поступок. Сейчас она думала лишь о том, что императрица пристрастна, что императрица отвратительна, что императрица из-за какой-то новой даин рассорилась с ней, своей союзницей!

Чувство обиды на предательство и пренебрежение, смешанное с неистовым гневом, бешено полыхало у неё в груди.

<http://bllate.org/book/18894/1846958>